

ЖИЗНЬ В УСАДЬБЕ КОРНИЛОВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье исследуется повседневная жизнь и деятельность помещиков Куломзиных в усадьбе Корнилово Кинешемского уезда Костромской губернии в начале XX века, анализируются бытовые и семейные проблемы владельцев имения. Рассматриваются вопросы организации праздников в усадьбе, обучения и воспитания детей. Отмечается, что для участия в праздниках помещики приглашали взрослых крестьян, на Рождество – крестьянских детей. Обучение и воспитание детей дворян Куломзиных проходило дома. К ним приглашались учителя, некоторые из них постоянно жили в Корнилово. В статье анализируются такие интересы и увлечения дворян, как чтение книг, вышивка, прогулки в окрестностях усадьбы, прием гостей и посещение соседей-помещиков. Отмечается, что книги и журналы для владельцев усадьбы и детей выписывались из столицы и присылались из-за границы. Увлечение вышивкой хозяйка усадьбы превратила в доходное дело. Свои изделия она реализовывала в столице и за границей. Отмечается особое отношение дворянской семьи к жизни на природе, что отражалось на здоровье детей и настроении взрослых.

В научный оборот вводятся неизвестные ранее источники личного происхождения, письма владельцев усадьбы и воспоминания родственников.

Ключевые слова: Костромская губерния, дворяне Куломзины, дворянская усадьба, праздники в усадьбе, образование и воспитание детей дворян, чтение книг, увлечение вышивкой, прием гостей, взаимоотношения с соседями.

В настоящее время в исторической науке наблюдается возросший интерес к проблемам изучения дворянских усадеб. Общие проблемы, связанные с историей русской усадьбы, рассматривают авторы сборника «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.» [3]. Представляют интерес книги и статьи, посвященные усадьбам Костромской губернии. Среди них работа А.А. Григорова «Из истории костромского дворянства» [2], коллективная работа «Костромская усадьба» [6]. Однако авторы вышеназванных работ усадьбу Корнилово не рассматривают как объект изучения. Историю усадеб и деятельность ее владельцев в своих работах анализирует С.В. Касаткина [4; 5].

Авторы сборника «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.» справедливо отмечают, что вообще в изучении усадьбы «меньше затронута бытовая культура усадьбы (“культура повседневности”», включающая образ жизни владельцев усадеб, их друзей и знакомых» [3, с. 30]. Предлагаемая статья посвящена отчасти решению этой проблемы. Она рассказывает о жизни в усадьбе Корнилово Кинешемского уезда Костромской губернии в начале XX века. Какие хозяйственные заботы были у хозяев, как они их решали, как отмечали праздники, как воспитывали детей, какие имели увлечения и привязанности.

Ольга Федоровна Мейендорф познакомилась с Яковом Анатольевичем Куломзиным в Петербурге. Весной 1901 года Яков Анатольевич стал «счастливым женихом», 20 июля в день Ильи Пророка в Петербурге состоялась их свадьба [1, с. 104]. Вскоре молодые Куломзины уехали в Костромскую губернию, где в Кинешемском уезде находилась их родовая усадьба Корнилово. Здесь Яков Анатольевич начал заниматься хозяйством, а Ольга Федоровна посвятила себя семье и общественной деятельности. О том, как жили Куломзины в это

время, рассказывают письма Ольги Федоровны своему свекру Анатолию Николаевичу [8].

Одной из главных забот в Корнилово стало обустройство дома. Он был построен в начале XIX века, а материалом для него «послужил перевезенный из находящейся против усадьбы деревни Вьюшково старый дом дворян Скрипицыных» [7, л. 8 об.]. Главный дом был деревянный, двухэтажный и требовал постоянного ремонта. Рядом располагалась флигель. Зимой в доме было холодно. В январе 1906 года Яков Анатольевич писал отцу: «У нас было 25 мороза. Мы совсем забросили нижний этаж и жили наверху» [9, л. 33]. В августе 1909 года Ольга Федоровна сообщила Анатолию Николаевичу: «Я очень рада была, когда Яша сказал мне, что ты мечтаешь соединить Ваш дом с нашим (усадебный дом и флигель. – С.К.). Я тоже об этом думала всю зиму. Беготня через весь дом в кухню зимой очень неудобна, тем более, что вся прислуга вечно пропадает в кухне. Кроме того, мы ведь все-таки отвечаем за здоровье прислуги. Если бы это было возможно соединить этой же осенью, то я была бы прямо в восторге» [8, л. 52–53].

В другом письме Ольга Федоровна обсуждала вопрос об утеплении пола и настилке линолеума. Она отмечала: «Сегодня послали Якова за линолиумом. Узнай, пожалуйста, как нужно мыть линолиум или его нужно натирать лаком? [8, л. 54]». В ноябре 1909 года полы утеплили, и Ольга Федоровна писала: «Милый папа! Пишу тебе, во-первых, чтобы поблагодарить тебя за линолиум. Мы в восторге. Он замечательно красив (...). Все эти дни занимались настилкой его, и вчера обе комнаты были к вечеру готовы. Яша все ворчал вначале, что я такие деньги потратила на линолиум, а вчера в такое пришел восхищение, что захотел и нашу спальню покрыть линолиумом. Но, это, конечно, вздор, потому что наша комната и без того довольно теплая и из-под пола в ней не дует» [8, л. 56–57].

Летом старшие Куломзины приезжали в Корнилово из Петербурга на отдых. Перед их приходом в усадьбе шла большая подготовка. В письме от 17 мая 1914 года Ольга Федоровна обращалась к Анатолию Николаевичу: «Очень просим тебя не высылать кровать для мамы, так как здесь для вас сделаны великолепные. Если мама неприятно спать на деревянной бабушкиной, то можно ей дать и красную железную, которые также все заново перебиты, выкипачены и обтянуты новым тиком» [8, л. 192–192 об.]. В следующем письме она сообщала: «Дом ваш как в Голландии будет вымыт даже снаружи» [8, л. 193 об.].

Перед нами предстает жизнь Куломзиных, полная забот о доме, в котором большая семья жила весь год, в холодные зимы температура в комнатах понижалась так, что приходилось оставлять нижний этаж и жить только наверху. Нужно было заботиться о настилке линолеума в комнатах, о ремонте старого дома, которому было более ста лет. Одной из постоянных забот было содержание в чистоте мебели и подготовка ее для гостей. Жили Куломзины экономно, исходя из средств, хотя и покупали дорогой материал (линолеум), но позволить себе строительство, например, нового дома не могли.

Дом Куломзиных находился на горе, внизу рядом с усадьбой протекала небольшая речка Кистега. Водопровода не было, поэтому одним из главных вопросов повседневной жизни был вопрос о доставке воды. Куломзины решили установить таран – специальное устройство для подъема воды с реки. Ольга Федоровна знала о таком устройстве, поскольку подобный таран был в усадьбе ее родителей. Она сообщала: «Все это время были заняты расчетами о постановке тарана на нашем ключе. Но удовольствие это оказалось слишком дорогое для того малого количества воды, которое он может поднять, а именно всего 300 ведер в день, а обойдется все с плотиной и трубами в 1000 рублей. Приезжал к нам Трёмбовельский, представитель в России французских таранов. Но ничего не вышло» [8, л. 72–73]. Местные жители, тем не менее, отмечали, что в усадьбе таран был установлен. Он поднимал воду к усадебному дому и наполнял большую емкость, из которой вода поступала в дом и в другие хозяйственные постройки [5, с. 116]. Кроме кухни и других домашних нужд (в доме была ванная комната), вода требовалась для ведения хозяйства, поливки огорода. Хозяйство в усадьбе включало в себя конюшню, где содержались 23 лошади, стадо коров, маслобойку, где изготавливали сливочное масло. Кроме этого, на скотном дворе откармливали стадо свиней-беркширов.

Каждая дворянская усадьба была немыслима без окружающего ее парка. В его создании, как правило, участвовало несколько поколений. Здесь были уголки, связанные с семейными событиями. Летом в парке Куломзины устраивали вечерние

чаепития, дети здесь на специальной площадке занимались гимнастикой. А.Н. Куломзин писал о парке в Корнилово: «Я безумно люблю наш сад». Мать и жена А.Н. Куломзина принимали участие в посадке новых аллей из лип, кленов, вязов, ясеней. «Матушка, – сообщал А.Н. Куломзин, – обрзовала аллею дубов, выращенных из желудей, присланных нам из Пензы милым соседом Егором Егоровичем Львовым. Другую аллею она засадила лиственницами, разведенными мною из семян. Украшением этого сада служит древняя не менее 300 лет липа, молчаливая свидетельница былых времен. Вот пихта, высаженная из леса в 1865 году в память нашей с женою свадьбы. Рядом с нею 4 приобретенных в Толгском Ярославской губернии монастыре 4 кедра по числу моих детей» [7, л. 8–9].

Большое внимание уделяли парку дети А.Н. Куломзина. Его сын, Я.А. Куломзин, «в старом саду развел целый ряд клумб, вдоль въезда в усадьбу посадил второй ряд кустов боярышника; середина двора была занята роскошными клумбами, розанами и другими цветами. Кустами сирени и рябины густо обсажен находящийся во дворе колодец, для проезда экипажей проделаны широкие посыпанные песком дороги» [7, л. 15].

Жизнь в сельской усадьбе не была замкнута. Владельцев усадьбы и крестьян объединяли общие традиции, праздники, годовой ритм жизни в сельской глубинке. Владельцы усадьбы считали своей обязанностью нести заботу о крестьянах, в каком-то смысле являлись их воспитателями и защитниками. Со своей стороны крестьяне не только работали в усадьбе, но и заимствовали передовые способы ведения хозяйства, обращались к помещикам со своими просьбами.

Большое значение в усадьбе Куломзины придавали общим и семейным праздникам. Организовывали их хозяева, как правило, не только для близких, а для всех жителей усадьбы. Так проводили Пасху и детские рождественские елки. В 1915 году старшие Куломзины отмечали в Корнилово 50-летие свадьбы.

В марте 1906 года Ольга Федоровна сообщала: «Мы все эти дни думали и передумывали, что бы нам устроить для рабочих к Пасхе, ибо все равно они придут нас поздравлять, денег давать не хотелось, чтобы не началось пьянство. Думаем подарить всем ситца на рубахи, да и это не особенно легко, может придтись не по вкусу, да, пожалуй, и обиды выйдут, если давать скотникам и кучерам такого же ситца» [8, л. 22 об. – 23 об.]. Очевидно, что обсуждение подарков серьезно занимало владельцев усадьбы. В этом письме проявляется не только воспитательный момент – «не давать денег, чтобы не началось пьянство», но и желание вручить подарки справедливо, «без обид».

В декабре 1913 года Ольга Федоровна рассказывала о подготовке к детской елке: «Настало горя-

чее предпраздничное время. Надо было помогать детям устраивать все для елки, обдумать все подарки, ведь у нас на елке бывает около 50 детей, каждому надо что-нибудь подарить. Елку устраиваем в другом доме, чтобы не нанесли нам они все грязи и заразы» [8, л. 162 об. – 163]. В следующем письме она вновь сообщала: «Я была ужасно занята приготовлениями к празднику. У нас на елке, как я тебе уже писала, было 50 с лишним детей и всем нужно было дать подарки соответственно их возрасту и рангу. Кроме того, украшать елку, раскладывать гостинцы в мешки, все это приходилось делать мне, так как дети все же еще малы. Miss Norah (гувернантка. – С.К.), конечно, много помогала, без нее было бы невозможно все успеть сделать».

Елка удалась на славу, были все и все были довольны, а рабочие премило сыграли пьеску собственного изобретения, то есть скорее по памяти из пьес, иггранных ими во время отбывания воинской повинности.

После елки священник, диакон и псаломщик со своими семействами in cogrore у нас ужинали» [8, л. 165–166].

Как видим, к праздникам в усадьбе Куломзины не только готовились сами, но и приглашали к участию своих рабочих, которые ставили «пьески собственного изобретения». В таких праздниках проявлялось культурное влияние дворянского сословия на жизнь крестьян. На праздниках в усадьбе присутствовали и священнослужители, которые ужинали с владельцами усадьбы, обсуждали местные проблемы. Этот пример показывает, что в начале XX века сословные различия отходили на второй план, стирались жесткие грани, регламентировавшие их.

Жизнь в усадьбе неразрывно была связана с прогулками на природе, с поездками в соседние усадьбы. В ноябре 1909 года Ольга Федоровна сообщила: «Вчера ездили с Яшей с визитом к Екатерине Федоровне Зюзиной» [8, л. 61]. Е.Ф. Зюзина была владелицей усадьбы Авериного и жила неподалеку. В мае 1914 она вновь сообщала: «Между тем, мне теперь надо всем делать визиты и разъезжать по усадьбам» [8, л. 190]. Знакомые Куломзиных проживали в соседних усадьбах: Дмитриевы в Челесникове, Хомутовы в Соколове, Яковлевы в Анненском. Со всеми они поддерживали отношения. Якова Анатольевича Куломзина, как предводителя дворянства, объединяла с помещиками совместная деятельность в Кинешемском земстве. В письмах Анатолию Николаевичу Ольга Федоровна не только сообщала о визитах в соседние усадьбы, но и передавала приветы от знакомых, просила оказать помощь или принять в Петербурге новых знакомых.

В письмах Ольга Федоровна восхищалась природой, рассказывала о прогулках в лесу. В 1906 году она писала: «Время у нас до того быстро летит среди дел – и общественных, хозяйственных (по

усадьбе) или домашних. В особенности же теперь при этой дивной погоде, когда тянет на воздух. За эти дни мы с Яшей сделали две большие прогулки в лес на лыжах. Было восхитительно. Вообще я никогда здесь в Корнилове, да и во всю свою жизнь не видела такой чудесной погоды. Вот уже больше недели солнце блестит с раннего утра и до ночи, воздух ровный, ветра нет. На припеке больше 10 градусов тепла. Тает постепенно, так как по ночам морозец. Таким образом, теперь тут настоящая климатическая станция не хуже швейцарских, так как с этим дивным белым снегом ни одной пылинки. Никита (сын Куломзиных. – С.К.), слава Богу, совсем здоров, целыми днями сидит то на одном балконе, то на другом солнечном балконе и успел сильно загореть» [8, л. 23 об. – 25].

В мае 1913 года она отмечала: «Погода у нас теплая, все благоухает и поют соловьи. На днях был дождь. Вообще, растворение воздуха. Мы все вполне здоровы и счастливы» [8, л. 144–145]. Весной начинала цвести сирень. Ольга Федоровна в 1914 году с восхищением писала: «Сирень сейчас в полном цвету, очень бы хотелось, чтобы Вы застали эту красоту» [8, л. 201].

Большое внимание в семье уделяли воспитанию и образованию детей. У Якова Анатольевича и Ольги Федоровны Куломзиных было пять детей: Никита, Федор, Елизавета, Серафим, Ярослав. Несмотря на то что большую часть времени Куломзины жили в деревне, они нанимали хороших домашних учителей, которые жили в семье или приезжали к ним на уроки из уездной Кинешмы. Учительница-англичанка жила в семье Куломзиных. О ней в 1909 году Ольга Федоровна писала: «Англичанкой я пока довольна, хотя вчера заметила, что она слишком усердно учится говорить по-русски у фельдшера, вместо того, чтобы играть с детьми» [8, л. 61 – 61 об.]. В 1912 году Ольга Федоровна сообщила: «Не знаю, писала ли я тебе, что теперь к детям ездят из реального училища и из гимназии женской два учителя. Учитель рисования и учитель пения. Они оба талантливые учителя. Мальчики мои очень полюбили эти уроки» [8, л. 108 об. – 109].

Описывая распорядок дня детей, она отмечала: «Дети вполне здоровы. Погода теплая и они гуляют 3 раза в день. Утром недолго до половины десятого, после чего мы с Никитой учимся полтора часа, потом от 11 до 12 опять гуляют. После обеда они оба играют по четверти часа на фортепианах, затем опять прогулка до 4 часов, когда к Никите приходит давать урок народная учительница. По субботам и по воскресеньям к нам приезжают два учителя из Кинешмы для уроков пения, рисования, лепки. Все это детей очень забавляет. Итак, я думаю, ты доволен нашей ученостью» [8, л. 115 – 116 об.]. В декабре 1913 года Ольга Федоровна рассказывала о своих детях: «Лильчик очень любит музыку и всегда подтанцовывает в такт. Я ду-

маю, она будет музыкальна как бабушка. В других моих детях я такой любви к музыке не замечала. Сейчас Никита и Федорчик заняты репетицией новых картин из английской истории и маленьких сценок из английских сказок, которые они будут нам сегодня разыгрывать на английском языке» [8, л. 167 – 169 об.]. Дети учились всему, они даже брали «у бухгалтера уроки столярного искусства и резьбы по дереву» [8, л. 158 об. – 159]. В феврале 1914 года к детям в усадьбу приехала новая учительница. Ольга Федоровна сообщила: «Завтра к нам приезжает, наконец, русская учительница Зинаида Ивановна Навозова. Она хорошо рекомендована как преподавательница и как человек, что не менее важно. Она слушательница высших женских курсов в Москве, естественный факультет физико-математического отделения» [8, л. 174].

Осенью 1916 года Ольга Федоровна отмечала: «Сегодня именины Лиленьки, а 3 сентября было рождение Федорчика, ему минуло 6 лет. Мальчики начали уроки, к ним ежедневно ездит студент, очень милый человек и очень хороший преподаватель, мы его возим с собой. Француженка приехала и также усердно дает им уроки. Они во французском языке очень слабы, до сих пор читать не умеют. Француженка теперь имеет над ними постоянное общее наблюдение в свободное от занятий время. Англичанке придется давать только один час урока в день. Француженке мы платим 70 рублей в месяц. Студенту последнего курса я плачу 80 рублей» [8, л. 239–242].

Жизнь в дворянской семье была невозможна без книги. В своих письмах Ольга Федоровна часто сообщала о полученных из Петербурга книгах или просила прислать нужную литературу. Некоторые журналы после прочтения она отправляла обратно в Петербург. В декабре 1909 года она сообщила: «“Вестник Европы” и “Русскую старину” я прочла и завтра их вышлю» [8, л. 65 об.]. Анатолий Николаевич присылал книги в Корнилово даже из Швейцарии. В декабре 1910 года Ольга Федоровна благодарила: «Милый папа, большое спасибо тебе за книги, присланные мне из Швейцарии. Я их все получила и очень тебя за них благодарю» [8, л. 78–79].

В январе 1912 года Ольга Федоровна вновь писала о книгах: «Милый папа, благодарю тебя за интересные книги о 12 годе, а также за прелестную геометрию. Где ты нашел такую прелесть? Также очень хороши и присланные тобою сказки, мы некоторые уже прочли, очень мило, что ты нас не забываешь» [8, л. 106 – 106 об.]. О чтении книг с детьми Ольга Федоровна сообщила: «Мы непременно будем читать (книги. – С.К.), с Никитой пока мы увлекаемся 12 годом, дети также очень интересуются пожаром Москвы и бегством Наполеона» [8, л. 108 – 108 об.]. В другом письме она отмечала: «Хрестоматию по русской истории мы

уже начали читать. Когда читала им про Сусанина стих Рылеева, мы все плакали» [8, л. 113 – 113 об.].

Дети очень интересовались жизнью животных, птиц, поэтому Ольга Федоровна просила прислать «Царство животных Брема» [там же, л. 135 – 135 об.], «книжку Кайгородова о бабочках» [8, л. 126]. В мае 1914 года Ольга Федоровна писала: «Детей интересуют главным образом птицы и бабочки. Никита просит, чтобы в книге были цветные картинки птичек, их яиц и объяснение о их жизни и привычках, а Федорчик хочет книгу, где были бы рассказы о птицах вроде “С севера на юг” Каразина. Эта книга им очень понравилась, мы ее читали зимой» [8, л. 198 – 198 об.].

Получала Ольга Федоровна и чудесные издания книг для взрослых. В декабре 1913 года она отмечала: «Ты не мог мне сделать большего удовольствия, прислав мне чудное издание Великого Князя Николая Михайловича. Я очень люблю его издания, и очень тебе благодарна, что ты мне их присылаешь (...). Не менее благодарна тебе за Грабаря, а также и за портреты, гербы и печати Большой Государственной книги царя Алексея Михайловича. Из них я могу воспользоваться рисунками для моих кустарных работ» [8, л. 164 – 165 об.].

Кроме книг, увлечением Ольги Федоровны в свободное время была ее кустарная деятельность. Это вышивки, которые она делала по рисункам из книг. Готовые работы она продавала через знакомых в Петербурге и даже отправляла в Америку. В письме от 22 апреля 1911 года она сообщила: «Для улучшения своего кустарного производства я выписала художницу из школы поощрений художеств. Она приехала и два дня как поставляет уже рисунки для вышивания» [8, л. 86 – 87].

В апреле 1912 года Ольга Федоровна просила Анатолия Николаевича отправить посылку в Америку учительнице английского языка, которая преподавала у детей. Ольга Федоровна писала: «В январе я послала ей для продажи кустарных изделий на 119 рублей, она мне перевела еще не продавши товара 130 рублей и пишет, что кроме этого пришлось уплатить 75 рублей пошлины за посылки. Вот в возмещение ее убытков посылаю ей несколько хороших работ. Конечно, даром, но пошлину за посылки хочется уплатить здесь в России в Посольстве» [8, л. 121 – 121 об.].

Таким образом, перед нами предстает усадебная жизнь, полная забот о повседневном бытовом устройстве дома. Куломзинных по уровню доходов можно отнести к дворянам средней руки, которые жили экономно, рассчитывая каждую копейку. В то же время в усадьбе традиционно отмечали праздники, на которые приглашали окрестных крестьян, – Пасху, устраивали елки для детей, которых собиралось до 50 человек. Взрослые, в том числе и крестьяне, представляли самодельные пьески. Большое внимание хозяева усадьбы уделяли вос-

питанию и образованию своих детей, для чего нанимали преподавателей, которые либо постоянно жили в усадьбе, либо приезжали на уроки из уездной Кинешмы. И дети, и взрослые любили книги, их выписывали и получали из Петербурга и даже из-за границы. Увлечением хозяйки усадьбы была вышивка с последующей продажей своих изделий. Поездки в гости в соседние усадьбы и приглашение гостей к себе в Корнилово были характерны для провинциальной сельской жизни.

Библиографический список

1. Баронесса Мария Федоровна Мейендорф. Воспоминания. – М.: Издательство Срегенского монастыря, 2014. – 304 с.
2. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. – Кострома: Костромской фонд культуры, 1993. – 472 с.
3. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки / под ред. Л.В. Ивановой. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 784 с.
4. Касаткина С.В. Усадьба Есиплево и её владельцы в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2. – Ч. 2. – С. 95–98.
5. Касаткина С.В. Усадьбы Заволжья. – М.: Планета, 2012. – 240 с.
6. Костромская усадьба / авт.-сост. Т.В. Йенсен, И.Ю. Кондратьева, Д.Б. Ойнас, А.И. Сорокин. – Кострома: Издательский дом «Линия График», 2005. – 597 с.
7. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). – Ф. 1642. – Оп. 1. – Ед. хр. 174. (Куломзин А.Н. Мемуары «Пережитое».)
8. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). – Ф. 1642. – Оп. 1. – Ед. хр. 354. (Письма Ольги Федоровны Куломзиной.)
9. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). – Ф. 1642. – Оп. 1. – Ед. хр. 348. (Письма Якова Анатольевича Куломзина.)